

ГУСИНЫЙ СРАМ

Недалеко от станичной окраины жил довольный собой казак Петр. Все у него было: и куры, и гуси, и утки, и дойная корова, и телка с бычком, и с десяток свиней, и самое главное – крикливая и говорливая жена Галина, ребятишек двое. Ну и, как водится, тяжелый мотоцикл и легковая машина. Любил Петром летним знойным вечером выйти во двор с замысловатым видом в одних семейных трусах, почесывая округлившееся пузцо, и окидывать счастливым взором гогочущее и мычашее хозяйство.

А вечером да с хорошей закуской (сальце и яйца с картошечкой) опрокинуть рюмашечку своего, домашнего первача, выгнанного из чистого сахара на ядреной пшенице.

Этого священнодействия он не доверял никому, даже своей разбитной хозяйке Гале. Среди кумовьев Петр слыл «спецом» в этом деле.

Как-то, в очередной раз попробовав брагу, Петр счел ее негодной и, дабы не терять марку, вылил ее вместе с пшеницей в кормушку гусям – не пропадать же добро! На этом неудача тут же была предана забвению.

В это время в станице свирепствовал мор на домашнюю птицу. Станичники десятками уничтожали падших кур и гусей. И Петр с содроганием сердца каждое утро выходил на подворье, пересчитывал хозяйство – не перекинулась ли зараза на его живность.

Сердце Петра похолодело, когда он, войдя утром в загон для гусей, увидел кладбище мертвой птицы. Он ошалело уставился на 23 бездыханные гусиные тушки. Не помогли и прививки! Вот и верь медицине!

Петр потерянно поднял крайнего гуся за ногу – он мертво растопырил крылья, издав какой-то непонятный гык. Хозяин в сердцах отбросил птицу, та, упав, опять странно гыкнула.

Тут вышла во двор и зычно запричитала Галина.

– Ой, боже ж мий! Господы, ну за шо ж ты нас наказуйиш! Ну, хотя бы трохы сдохло, як у людэй, а тут вси сразу! Таки-ы-ый убыток! Давай, Пытро, хоть пыро выщипайим та сдамо, хоть трохы грощи вэрным....

Пусть и лаялась Галина с соседками то за выскочившую курицу, то за межу на огороде, а то и вовсе потому, что душа требовала, но в тяжелую минуту наступал мир, и соседки бежали помогать друг дружке.

Кликнув «правую» соседку Наталку с «левой» Настей, Галина принялась за дело. Ощипанный пух бабы бросали в ваганы, а мертвые тушки в прицепленную к мотоциклу тачку. На птице оставляли только большое перо на крыльях.

Когда последняя тушка была ощипана, чтобы сердцу было не больно, Петр тут же завел мотоцикл и вывез падеж за станицу, на свалку. Благо ехать было недалеко.

Вечером Петром с Галиной, чтобы как-то развеять мрачное настроение, нажарили семечек и вышли на лавочку, где уже собрались соседки перемывать кости тем, кто еще не подошел.

Когда пересуд был в самом разгаре и горе-несчастье в пылу споров стало забываться, наши посидельщики услышали какое-то странное гоготанье. Все разом повернули головы на звук: к дому Петра, пошатываясь и стыдливо прижимаясь друг к другу –

ке, два шага вперед, один назад, подходишь пьяные, ошипаные и осрамленные гуси. Зрелище из незабываемых!

— Ой, лышенько! Та шо ж цэ такэ! Пэтя, глянь! Ожили наши гусы! Ходим скориш заганять!

Проведенное Галиной расследование с пристрастием выявило казус с вывернутой бражкой и не мертвыми, а пьяными вусмерть гусями.

Благо дело, что лето было теплое и птица легко могла обходиться без «одежды», принимая загар и устраивая днем на подворье «нудистский пляж».

Вечерами Петро выгонял гусей на улицу пощипать травку у двора — «нагулять» жир. Проезжающие и проходящие мимо двора, не сведущие в гусиной трагедии, в изумлении останавливались и искали просвещенных в выведении нового вида гусей без перьев. Узнав, хохотали до упаду.

Постепенно пух на гусях тушках стал отрастать, превратившись к осени в теплую зимнюю шубку.

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ Бывальщина

Коммунист по велению сердца, рьяный партиец, кося сажень в плечах, Иван Тимофеевич в станице был на большой должности председателя совета. Самый главный в кубанском селении человек! Службу свою Иван Тимофеевич справлял добросовестно. Станичники были им довольны. Справедливый был дядька и, что немаловажно для женской половины селян, видный.

Любил председатель летом порыбачить, а зимой сходить поохотиться на зайца. Но еще больше любил Иван Тимофеевич, как и все из этой породы, порассказывать потом о невиданных размерах пойманных им рыб, о гигантских застреленных им зайцах.

Однажды морозным предрождественским днем, надев белый маскхалат, отправился Иван Тимофе-

евич в очередной раз на охоту. Долго бродил он по полям, пытаясь поймать на мушку серого, прошел не один десяток километров. И наконец-то удача! Добыча весила килограммов шесть—семь. Иван Тимофеевич положил зайца в специальный мешок и забросил за плечи под маскхалат.

На землю опускались сумерки. Домой идти несколько километров, но Иван Тимофеевичлетел, как на крыльях. Куда девалась усталость после удачной охоты?

Поскольку в поле хвастаться о пойманной удачей было не перед кем, Иван Тимофеевич бессознательно стал сочиняемый им рассказ проговаривать вслух. Шел и все шире и шире разводил руки для демонстрации размеров зайца.

Когда коммунист Иван Тимофеевич подошел к станице, были глубокие сумерки. Нахохлившись, присыпанные снегом стояли станичные хаты. Обычно глухая стена постройки служила одновременно и огорожей от улицы, посреди этой стены было окно — как средство связи с внешним миром. У одних станичников в домах горел каганец, а у других, побогаче, — керосиновая лампа.

По небу лениво проплывали редкие облака. Играющая с ними в гляделки луна рисовала на снежном покрывале земли мигающую мозаику теней деревенских хат, изгородей, деревьев.

Чистый сладкий воздух переполнял легкие и немало пьянил. Но всей этой дарованной человеку свыше красоты Иван Тимофеевич не замечал. Снег смачно поскрипывал у него под ногами, а в душе звучала музыка удачной охоты.

И вдруг сердце нашего партийца, участника Финской и Отечественной войн, оборвалось. По телу поползли предательские мурашки, а душу парализовал страх. За долю секунды пронеслись перед глазами яркие картины деревенских баек об огненных колесах, о скачущих безмолвно лошадях. А все потому, что увидел Иван Тимофеевич на снегу падающую откуда-то сверху, делающую странные пассы человеческую тень. Было похоже, что небесный байкер пытается завести мотоцикл.

Коммунист Иван Тимофеевич поднял голову: на

фоне яркой луны стояла крыша хаты ведьма, размахивала метлой и пыталась взлететь. Рядом с ней, подергивая поднятым хвостом, ее пособник — колдовской кот.

В следующую секунду кот свирепо мяукнул и прыгнул на представителя власти. Иван Тимофеевич в ту же секунду дал деру. Он не помнил тот промежуток времени, когда бежал, — опомнился председатель, лишь поняв, что дома.

Сердце бешено колотилось, пот застилал глаза, расширенные от страха зрачки никак не хотели возвращаться к первоначальному размеру, брови предательски ползли вверх.

Стоя у двери в хату, пытаясь отдышаться, Иван Тимофеевич почувствовал, что потерял шапку. По всей видимости, ее сбил прыгнувший ему на голову, почувывший запах свежего заячьего мяса ведьмин кот.

Глава неожиданно для самого себя в испуге поднял голову: не летает ли над его подворьем нечистая сила?

«Я, коммунист, партиец, участник двух войн, испугался какой-то антисоветской ведьмы! Что скажет партия, если узнает?» — пронеслось в голове Ивана Тимофеевича.

Зубы председателя мелко постукивали, сопротивляясь его коммунистическому мировоззрению.

Чтобы домашние не увидели волнения, председатель первым делом пошел в сарай разделявать зайца, и здесь его осенила спасительная мысль: пойти завтра к бабке Куделихе, на хате которой он увидел неопознанный объект, и как коммунисту, борцу с мракобесием, во всем разобраться.

На следующий день, едва рассвело, Иван Тимофеевич двинулся в путь. При подходе к хате Куделихи сердце председателя непослушно заколотилось.

Иван Тимофеевич постучал в окно:

— Параска Мытрофановна, ты тут жива? Я от совета прыйшов узнать, ты тут ны в чем ны нуждаешься?

— Тимохеич, цэ ты? Заходь! — и Куделиха, снимав засовы, открыла дверь.

— Ну як ты тут, Мытрофановна, як дила?

— Ой, Тимохеич, шо ж мини було! Затопыла я вчера пичку, а дым увэсь пишов у хату, я и полизла старистью ночью дымарь прошишкарыть митлою, той, шо в синях стояла, и кит за мною увязався. Тикэ стала дило робыть, як гляну у низ, а там стоять черт, весь билый, сзади горб и руки розвив, собирайитесь прыгнуть, мэнэ схватыть, старуху. Надругаться рывив, нычиста сыла! Мать знасылувать надумав.

— Та вы шо, Мытрофановна! Ны можэ такого быть! А вы его ны взналы?

— Ни! На его кит мий як прыгнэ, ну я й ны стала дожидаться, колы вин моего кота зыйисть, а тодди за мэнэ прыймытсь. Я тожэ як прыгну назад и покотылась с крыши. Та добрэ шо сниг в кучу пид хатой росчишала и скидыла. Так я в ту кучу и впала! А то, можэ, и пичинкы сыби б поотбывала.

— Ны дай Бог, Мытрофановна, оцэ старистью так стрыбать! Дай вам Бог здоровья! — посочувствовал глава.

— Так я в хату заскочила, пичку бильшэ ны топыла и всю ничь ны спала, ждала, колы вин, нычиста сыла, за мной прыйдэ. А утром, оцэ ныдавнo, тикэ розвыднылось, дай, думаю, пиду подывлюсь на тэ мисто, дэ вин стояв. Глядь: ось чиясь шапка лыжить. Наверно, Тимохеич, вин ужэ когось зыйив!

— Ну нади ж, Мытрфановна! Цэ дило надивно розибрать навыху, в Органах! Шо за сыла на нас идэ? Ты давай мини шапку для следствию и ныкому ны розказуй, а то могут арыстувать. За розглашение государственной тайны! Ты ж сама знаишь, шо у нас цэ ныдовго...

— Та свят-свят, Тимохеич. Та упасы Божэ! Могыла!

И Иван Тимофеевич, попрошавшись с Куделихой, вышел на улицу. Было красивое морозное утро. Добрые снежинки неспешно опускались на землю. Чистый воздух настойчиво обволакивал: «Я тут главный!» — казалось, кричал он. Снег радостно хрустывал под ногами.

Вздохнув полной грудью, Иван Тимофеевич подумал: «Красота! И никакой тебе нечистой силы!» ■